

Я сидел на крыльце, смотрел и слушал дождь. Мне всегда нравился дождь. Блин, дождь действительно сильный. Надеюсь, дорога будет проходимой.

Хмм. Чашечка кофе была бы сейчас как нельзя кстати. У меня есть растворимый кофе, который я взял с собой в поход в рюкзаке, я мог бы просто попросить девочек нагреть мне воды...

Дверь открылась с деревянным лязгом засова, затем снова закрылась, и Лиска вышла на крыльцо, улыбаясь мне.

— Посуда вымыта и убрана, хозяин. И я пополнила запасы дров для печки на обед.

— Хорошая девочка, — сказал я ей, протягивая руку и поглаживая ее между ушами. — Где Ада?

— Подметает. Она согласилась подметать, если я разведу огонь.

Я кивнул. Это хорошо, что они делят обязанности, а не ссорятся из-за них. Хотя потребовалось несколько шлепков в течение всего пары дней, чтобы они вбили себе это в голову.

Я потянулся вниз, чтобы погладить мягкий, роскошный мех хвоста Лиски, и она перекинула его туда, где мне было легче до него дотянуться, и снова улыбнулась мне.

— Мне нравится твой хвост, — сказал я Лиске, проводя пальцами по ее оранжевому меху, от основания хвоста до его черного кончика.

— Я рада, что хозяину он нравится, — ответила она, подходя ближе.

— Почему ты хотела его спрятать? — спросил я.

— Потому что... многие люди не любят лисолодей в целом, а женщины не любят лисиц в частности.

— Почему так?

— Лисолодей считают чужаками. Мы изначально пришли с востока. Моя семья живет в Королевстве Брохейм уже двенадцать поколений, а в Княжестве Оссетрия — восемь, но некоторые все еще считают нас... не брохеймцами. Мы выделяемся.

Она зачесала шерсть назад и потрепала одно ухо, а я погладил свои колени. Она устроилась там, и я продолжил гладить ее чудесный хвост.

— Когда лисолюди впервые прибыли в Брохейм, они были в основном язычниками. Церковь объявила нас и других зверолодей нечистыми. Они говорили, что наши уши, хвосты и мех — следы дьявола, что наши предки совокуплялись с животными и навсегда запятнали свою родословную. Они говорили, что тот факт, что большинство из нас не может размножаться с людьми, является доказательством того, что мы меньше, чем люди. Это был один из вопросов, который привел к Великому расколу, один из многих вопросов, но крайне важный. Половина церкви заявила, что богобоязненный зверочеловек так же хорош, как богобоязненный человек, и те из нас, кто отрекается от язычества и исповедует веру, должны быть допущены к церкви. Вместо того чтобы вести священную войну против еретиков и богохульников, король объявил себя главным защитником веры двух церквей — ортодоксальной и реформаторской.

Лиска сдвинула зад, чтобы я почесал основание ее хвоста, затем продолжила:

— Конечно, сегодня обе церкви официально допускают зверолодей среди своих членов, но обе церкви не очень-то ладят друг с другом по сей день, поскольку они расходятся во мнениях по ряду других вопросов, и многие члены ортодоксальной церкви по-прежнему предвзято относятся к зверолодям. Даже некоторые последователи реформаторской церкви не любят зверолодей, но большинство зверолодей, по понятным причинам, являются членами реформаторской церкви.

Моя вторая рука потянулась к ее ушам, и она наклонила голову, прислоняясь ко мне, когда я чесал их.

— А женщины особенно не любят лисиц.

— Почему это?

— Лисолюди не очень многочисленны по сравнению с другими зверолодьми, и мы особенно редки здесь, на западе. В Брохейме нас всего несколько тысяч. Отчасти потому, что мы были рассеяны из-за многочисленных войн в прошлом, а отчасти потому, что у нас такая низкая рождаемость по сравнению с людьми. У меня два младших брата, но у среднего человеческого крестьянина от шести до десяти детей.

— Я... правда? Так много?

Она кивнула.

— Конечно. В конце концов, чтобы присматривать за фермой, нужна большая семья. И не все дети доживают до совершеннолетия. Многие умирают от лихорадки, пока они еще совсем маленькие, — сказала она, снова откидывая волосы с лица, так как их развеял ветер. — Мама говорила мне, что у меня была старшая сестра еще до моего рождения, но она умерла. Отец не любил говорить об этом. Мать надеялась, что это заставит его больше любить меня, и он будет менее склонен продать меня, если его азартные игры приведут его к большим долгам, но...

Она пожала плечами, затем закрыла глаза и счастливо мяукнула, когда я почесал нужное место, вызывая спазм левой ноги. Было приятно видеть, что эта ее произвольная реакция больше не смущает ее.

— Итак, лисицы здесь довольно редки, что сделало нас желанными рабынями. Мужчины-лисы не очень хороши в качестве полевых рабочих или чернорабочих, поскольку не обладают силой или выносливостью людей, поэтому никто не хочет брать их в рабство, но лисицы пользуются большим спросом. Мы редкие и экзотические. Самых красивых продают в секс-рабыни, так как за нас можно получить больше денег и не нужно использовать алхимические травы, чтобы мы не забеременели. Остальных продают в качестве домашних рабов для работы в доме: горничных, поваров и тому подобное. Многим женам не нравится, что у их мужа есть сексуальные рабыни — они начинают ревновать. Поэтому некоторые запрещают мужу иметь сексуальных рабынь, особенно если именно муж вошёл в её семью, а не наоборот. Но они не могут запретить мужу купить служанку, и если она окажется хорошенькой молодой лисицей, которая не сможет опозорить хозяйку дома, забеременев, когда ее муж — единственный мужчина в доме, то им останется только стиснуть зубы и терпеть. Служанка, конечно, не может жаловаться, если хозяин затащит ее в чулан на несколько минут, когда никто не смотрит. Поэтому многие женщины, особенно представительницы высшего класса, не любят лисиц. Они видят в нас мерзких искусительниц, которые соблазняют мужей и склоняют их к неверности, хотя церковь и закон не рассматривают секс с рабыней, которой ты владеешь, как

неверность жене.

— Понятно.

— И, конечно, у людей, которые никогда не видели лисолюдей, складывается неверное представление о нас. Как Ада — ей сказали, что лисолюди полностью покрыты шерстью, и что мы грязные и вонючие. А я вполне чистая, спасибо! — чопорно сказала она, поводя ушами.

— Это точно, — сказал я ей, не упоминая о том, какой грязной она была, когда я только купил ее. Это, конечно, не ее вина. Похоже, рабыням не часто разрешают мыться. А она довольно придиричива к чистоте.

Я убрал руку с ее хвоста и приподнял платье, проводя вверх и вниз по ее мягким, гладким губам между ног.

— И ты определенно также не покрыта целиком шерстью, — сказал я ей. Она застенчиво улыбнулась, затем раздвинула ноги и прислонилась ко мне. Я начал тереть кругами вокруг ее клитора, и она начала тяжело дышать, поводя хвостом рядом со мной. Вот хорошая лисичка. Вот милая лисичка.

Дверь открылась с грохотом, когда Ада вышла на крыльцо, и Лиска с писком захлопала ногами, а ее хвост взвился вверх, как кисточка из бутылки. Я посмотрел на нее и осторожно пошевелил рукой, которая теперь была зажата у нее между бедер. Она покраснела, но расслабилась и снова раздвинула ноги, чтобы я мог возобновить интенсивные ласки.

Вот хорошая лисичка. Это просто Ада, не надо стесняться.

Ада, со своей стороны, просто посмотрела вниз на промежность Лиски, чтобы увидеть, что мы делаем, а потом ей сразу же стало все равно. Опять же, она явно считает, что Лиска — моя девочка, и я могу делать с ней что хочу и когда хочу.

— Я никогда раньше не видела дождя, — сказала Ада, пригнув голову, чтобы посмотреть на небо, не сходя с крыльца.

— Правда? — спросил я. Лиска ничего не сказала, старательно избегая смотреть на Аду, её уши были прижаты, пока я продолжал энергично тереть пальцами круги вокруг ее клитора.

Ада покачала головой и ответила:

— Ада никогда не выходила на улицу до того, как хозяин купил ее. Я видела небо только через окно, а большую часть времени нас держали в комнате без окон. Я даже не представляла, что мир такой большой.

Она протянула одну руку под дождь, затем отдернула ее назад, потирая пальцы.

— Это просто вода, — сказал я ей.

— Но откуда она берется?

— Из облаков. Вот из чего состоят облака, из водяного пара.

— Водяной пар?

— Как дым, — сказал я ей. — Маленькие капли воды в воздухе. Когда они собираются вместе,

они превращаются в большие капли воды и становятся слишком тяжелыми, чтобы оставаться в воздухе, поэтому они падают. Это и есть дождь.

— О, — сказала она, замороженно глядя по сторонам.

— Хочешь поиграть под дождем? — спросил я ее.

— Можно? — сказала она удивленно.

— Конечно. Но ты должна снять свою одежду, чтобы не намочить ее. И ты можешь играть под дождем только несколько минут, я не хочу, чтобы ты простудилась.

— Спасибо, хозяин! — сказала она, возбужденно подпрыгивая вверх и вниз.

— Хозяин? — сказала Лиска, щеки все еще окрашены в румяный цвет, но уже не такие румяные, как раньше.

— Хм?

— Лиска должна помочь Аде раздеться.

— О. Конечно.

Я убрал руку с ее промежности, которая теперь имела интересный розовый оттенок, и она встала и поправила платье. Она помогла Аде снять фартук, платье, блузку и пояс с подвязками, именно в таком порядке, занесла их в дом и поставила на стол, пока Ада стояла голая и нервно потирала руки, глядя на дождь.

— Ну, давай, — сказал я ей с усмешкой. Она ухмыльнулась и прыгнула с крыльца, с грохотом падая в лужу! Она вскрикнула, танцуя взад-вперед в грязи.

— Холодно! — крикнула она, смеясь и размахивая руками в небо. Лиска стояла рядом со мной, подергивая хвостом, и смотрела на меня. Я кивнул в знак разрешения, и она снова села ко мне на колени. Затем она выставила босые ноги прямо перед собой, под дождь, и долго держала их в таком положении, прежде чем позволить им свеситься над полом.

— Ты тоже хочешь поиграть под дождем? — спросил я ее.

Она покачала головой.

— Мне не нравится, когда мой хвост намокает.

— Хорошо, — сказал я, нежно поглаживая ее по волосам. Мы еще минуту смотрели, как Ада развлекается под дождем, а потом обе девочки вскочили при вспышке молнии и громком раскате грома. Это было близко — даже стекла в доме задребезжали.

— Ладно, Ада, пора выходить из дождя.

Я не получил никаких возражений, пока она бежала обратно на крыльцо, ухмыляясь и энергично потирая руки, чтобы согреться.

— Холодно! Я не знала, что дождь будет холодным!

— Ага. Смой грязь с ног, прежде чем войти, — сказал я ей.

— Да, хозяин!

Лиска снова спрыгнула с моих колен и сказала:

— Я принесу ей полотенце.

Хорошая девочка. Думает о будущем.

Ада стояла на крыльце, дрожа, с ухмылкой на лице, наблюдая за дождем. Вдалеке снова раздавались раскаты грома, когда Лиска вернулась с полотенцем и помогла Аде вытереться, уделяя особое внимание ее ногам, чтобы она не занесла грязь в дом.

— Если ты испачкаешь пол, то будешь его убирать, — предупредил я ее.

— Да, хозяин, — сказала она, внезапно проявляя больший интерес к тому, чтобы помочь Лиске вытереть ноги.

— Ну вот, все сухо, — объявляет Лиска. Когда она начала заносить полотенце обратно в дом, я схватил ее за запястье и остановил.

— Не могла бы ты положить немного дров в мою маленькую печку и нагреть немного воды? Достаточно для кружки. Вообще-то... пусть будет три кружки, — сказал я ей.

— Да, хозяин, — сказала она, махнув оранжевым хвостом, заходя внутрь.

Я похлопал себя по коленям, и Ада села на них, дрожа. Ее соски напряглись, она была вся покрыта мурашками, но Ада все еще улыбалась. Я обнял ее и нежно поцеловал в плечо, ее влажные волосы касались моего лица.

— Тебе было весело?

— Угу, — сказала она, кивая с энтузиазмом. — Я никогда не видела ничего подобного раньше!

Она вскочила и издала испуганный звук, когда очередная молния озарила небо перед нами, а раскат грома оказался достаточно громким, чтобы вызвать дискомфорт в ушах. Я посмеялся над ее реакцией, и она посмеялась вместе со мной, потирая руки.

— Холодно?

Она кивнула. Я крепче прижал ее к себе, но не предложил ей снова одеться. У меня на коленях сидит голая девочка-подросток, какого черта я должен говорить ей одеться?

Лиска вернулась на крыльцо, её уши прижались, а хвост распушился так, что было ясно видно, что она озабочена.

— Надеюсь, в дом не ударит молния... — сказала она с легким хныканьем в голосе.

— Это может произойти? Что произойдет, если это случится? — спросила Ада, начиная звучать обеспокоенно.

— Не волнуйтесь, девочки, — успокоил я их. — На всех дымоходах есть громоотводы, я заметил это, когда мы покупали дом. И, скорее всего, молния все равно попадет в дерево, они выше.

Деревья здесь огромные. Мне всегда приходилось углубляться в национальный лес или парк,

чтобы найти такие старые и высокие деревья, как эти. Честно говоря, учитывая, что я заплатил чуть больше пятикратной стоимости Лиски, это была выгодная сделка за такую хорошую собственность. Разве что, может быть, земля здесь дешевая? Я не уверен, как цена рабов и загородных имений переводится в доллары и стоимость недвижимости на родине.

— Правда? — сказала Ада, успокаиваясь. Хвост Лиски все еще был распушен, и она нервно смотрела на дождь. Неподалеку раздавались раскаты грома.

— Вода нагревается? — спросил я. Лиска кивнула.

— Ты должна следить за ней, — сказал я ей. — Эта печь греет быстрее, чем вы ожидаете.

Это газо-дровяная печь. Она не просто сжигает дрова, она всасывает дым и сжигает его во второй раз, сжигая все несгоревшие материалы в дыму, чтобы печь нагревалась более эффективно. К тому же я не хочу оставлять огонь без присмотра, пусть на плите он и должен быть совершенно безопасным. Если дом сгорит, нам всем придется переехать в гораздо меньший гостевой домик, и, надеюсь, мы сможем спасти мои вещи до того, как сгорит весь дом. В противном случае я останусь без гроша в кармане, и у меня не будет очевидного способа заработать, пока тот парень не придет и не начнет продавать зажигалки. Что все равно будет проблемой, потому что я согласился оплатить стоимость материалов, а я этого еще не сделал; если дом сгорит с моими деньгами внутри, мне конец.

Лиска кивнула и вернулась в дом. Я похлопал Аду по спине, чтобы она спрыгнула с моих колен, а сам зашел внутрь и направился наверх, чтобы достать из рюкзака кофе.

Вернувшись вниз, я увидел, что Лиска возится с газовой плитой, а Ада обнимает себя и дрожит у окна, все еще наблюдая за дождем с детским удивлением.

— Хозяин? Вода уже горячая.

— Спасибо, Лиска, я тебя подменю.

Она отошла в сторону, а я налил горячую воду в три кружки, расставленные на столе. В первую я высыпал содержимое пакета растворимого кофе, добавил пару французских ванильных сливок, немного неочищенного тростникового сахара и все перемешал. В две другие кружки я высыпал пачку смеси для горячего шоколада и размешал.

— Ада, почему бы тебе не открыть дверь и окна, чтобы мы могли послушать дождь? Впусти немного свежего воздуха.

Звук дождя по крыше был похож на постоянный барабанный бой, и стеклянные окна дребезжали в такт грому каждые две минуты или около того, но я все равно хотел слышать его лучше. Дождь расслабляет.

Я занес стул в дом, поставил его у стола, но лицом к двери, и сел со своей кружкой кофе. Девочки стояли на коленях на своих обычных местах, Ада смотрела на дождь с явным восхищением, Лиска — с легким трепетом. Ее хвост вздымался каждый раз, когда она слышала гром; неужели она его боится? Помню, когда я был ребенком, семейная собака пряталась за унитазом каждый раз, когда начиналась гроза. Может быть, это то же самое? Или, может быть, она уже была в здании, в которое ударила молния?

— Вот, девочки, выпейте.

Они обе приняли кружку, Лиска нерешительно понюхала ее, затем сделала заинтересованное лицо, когда ее уши приподнялись. Ада осторожно сделала глоток и обожгла язык.

— Подуй на него, он еще горячий.

Я сделал глоток горячего кофе. Ааааа, вот это вещь! У них здесь есть кофе? Я знаю, что он стал популярен в некоторых частях Европы еще до того, как на Западе открыли чай, но есть ли он здесь? И насколько он дорогой? Я, наверное, смогу купить неочищенный тростниковый сахар, как я люблю, но французского ванильного сливочного масла здесь нет. То, что у меня есть, — это все, что есть, так что лучше наслаждаться, пока это длится.

Похоже, девочкам нравится их горячий шоколад; Ада больше не дрожала.

— Это хорошо, — сказала Лиска, Ада кивнула в знак согласия. — Что это?

— Горячий шоколад, — ответил я.

— Я никогда о таком не слышала, — сказала она, делая еще один глоток.

— Я уверена, что у них здесь такого нет, — сказал я ей. Ада, кажется, не заметила подтекста, но Лиска, вероятно, помня наш разговор о том, что ее протеиновый батончик — единственный, который она когда-либо ела, кажется, поняла. Она пила его медленно, смакуя каждый кусочек, пока он не закончился. Ада же пила так быстро, как только могла, не обжигаясь.

— Это было хорошо. Спасибо, хозяин.

— Да, спасибо, хозяин! — подхватила Ада, забирая у Лиски пустую кружку и неся их обе к раковине.

— Не за что, девочки, — сказал я, допивая кофе и передавая керамогранитную кружку Аде.

— Я не думаю, что мы сможем пойти в город за туфлями Ады, — сказала Лиска, с беспокойством глядя на бую. — Чем бы вы хотели, чтобы мы сегодня занялись, хозяин?

— Пока что, — сказал я обдуманным тоном. — Думаю, тебе стоит раздеться, а вы двое, девочки, прыгайте в постель.

Лиска ухмыльнулась, кокетливо помахивая хвостом. Ух, какая сексуальная лиса!

Кто у нас милая лисичка? Подумал я про себя, когда она сняла свою одежду и положила ее на стол рядом с одеждой Ады. А кто у нас симпатичная лисичка?

Обнаженная, за исключением ошейника, Лиска стояла рядом со своей более высокой и взрослой «младшей сестрой» и скромно улыбалась мне. Ада тоже улыбалась.

Я закрыл дверь и запер ее на засов, затем взял девочек за руки и отвел их наверх. Они помогли мне снять обувь и положить одежду на комод, а затем забрались под одеяло вместе со мной. Окно было по-прежнему открыто, и, находясь наверху, звук дождя, стучащего по крыше, становился еще громче.

— Итак... как, по-вашему, девочки, мы должны скоротать время? — озорно спросил я.

Ада положила одну руку мне на грудь и спросила:

— Хозяин? Не хотите ли вы воспользоваться телом Ады?

— Ммм, возможно, да, — ответил я.

— А можно... можно сделать так, как вы использовали Лиску прошлой ночью? — спросила она, явно не зная, не переходит ли она границы, прося о таком.

— О, ты хочешь сделать это по-собачьи? — спросил я, ухмыляясь.

С другой стороны от меня раздался придушенный писк, и Лиска вдруг скатилась с кровати, побежала к двери и распахнула ее.

— Лиска? Что случилось?

Ада села на кровати в стиле «вариза»¹, явно такая же растерянная, как и я.

— Оставайся здесь, — сказал я ей, встал с кровати и вышел в коридор. Я не слышал скрипа лестницы, поэтому не думал, что она побежала вниз в ванную. Но опять же, она такая легкая и проворная...

Из пустой спальни в коридоре, которую я превратил в студию голых упражнений для своих девочек, доносился всхлип. Я заглянул за угол. Лиска сидела на корточках на полу, ее хвост был обернут вокруг тела, руки закрывали уши. Она плакала.

— Лиска? Милая? Что случилось?

Ее единственный ответ — еще один всхлип.

Я подошел и опустился на колени рядом с ней — она вздрогнула, когда я положил руку ей на плечо.

— Эй, в чем дело?

Лиска посмотрела на меня, явно расстроенная, и выдохнула: «Я не собака!» — самым душераздирающим голосом, который я когда-либо слышал от моей маленькой лисички.

— Что?

Я в полном замешательстве.

— Я не собака! — снова сказала она, зарываясь лицом в руки и плача еще сильнее.

— Эй-эй-эй, кто сказал, что ты собака? — спросил я, обнимая ее, как я надеюсь, в утешительной манере. Она начала отстраняться, но потом, похоже, вспомнила, кто чья собственность, и позволила мне обнять ее.

— ...Вы сделал. Вы сказали... что делать это со мной было как... как... с собакой.

— Что? Нет, не говорил.

О боже. Я задел ее чувства, сам того не желая. Эти злобные сучки уже называли ее собакой, и я уверен, что она слышит подобное не в первый раз.

— Да... — она остановилась, не став открыто выражать свое несогласие со мной. Открыто

сказать, что ее хозяин не прав или, что еще хуже, лжец — это слишком много для рабыни.

— Лиска, милая, я не называл тебя собакой и не говорил, что ты похожа на собаку, — сказал я ей, поднимая ее и усаживая к себе на колени. Она держала свой хвост обернутым вокруг себя и крепко обнимала его. Я обнял ее и нежно покачал.

— Тогда почему...

Я поцеловал одно из ее милых маленьких лисьих ушек, заставив его подергиваться, и сказал:

— «По-собачьи» — так вы называете эту позицию, когда девушка стоит на четвереньках, и с ней занимаются сзади.

Она явно мне не верила.

— А когда девушка сверху, это называется «ковбой». Ты знаешь, кто такой ковбой?

Я подтолкнул ее, когда она не ответила, и она покачала головой.

— Ковбой — это тот, кто целый день ездит на лошади, пасет скот. Поэтому, когда девушка садится на мальчика, она едет на нем, как на лошади. Это не значит, что она действительно ковбойша, это название позы, в которой они занимаются сексом.

Интересно, есть ли в этом мире в принципе ковбои?² Неважно, сейчас это не важно. Важно то, что я задел чувства моей маленькой лисички. И, вероятно, из-за чего-то, что уже давно ранило её.

— Так... вы... вы не...

— Нет, милая, — сказал я ей, сжимая ее в объятиях. — Я бы никогда не назвал тебя собакой. Ты моя маленькая Лиска, помнишь? А хозяин никогда не обидит свою Лиску.

— Мне... мне жаль, — сказала она, по ее лицу текли свежие слезы.

— Ш-ш-ш, все хорошо, — сказал я ей, покачивая ее взад и вперед на своих коленях. — Все хорошо. Я знал. И я не хотел тебя обидеть.

Я подхватил ее на руки и отнес обратно в кровать, в стиле принцессы, где Ада ждала там, где я ее оставил, выглядя совершенно растерянной.

Уложив Лиску в кровать, я забрался между девочками и натянул одеяло, чтобы укрыть нас.

Сейчас мне не хочется секса. Настроение испорчено.

Я прижал к себе обеих моих девочек, комната освещалась только единственной лампой и вспышкой молнии снаружи.

— Почему бы мне не прочитать вам еще немного из той истории?

— Хорошо, — слабо сказала Лиска. Ада кивнула, все еще не понимая, что происходит.

Я взял книгу, и Бильбо начал свою игру в загадки глубоко под горой.

Примечания

1. Вариза представляет собой сидячую позу, когда ступни вытянуты наружу бедер и туловища. Примерно вот так (только Ада брюнетка и голая)

2. В действительности во фразе выше герой говорит о том, что девушка, занимающаяся сексом в позе ковбоя, зовётся cowgirl, но при этом не является cow girl, а в мыслях он задумывается о том, есть ли здесь cowgirls и являются ли они девушками, пасущими скот, или зверолюдьми с коровьими чертами

<http://erolate.com/book/3187/76932>